

ГЛАВА VII.

Въ госпиталяхъ.

Особое и обширное поприще представилось русской женщинѣ въ военно-временныхъ госпиталяхъ, въ которыхъ помѣщались раненые и больные войны. Здѣсь предстояло ей занять важное мѣсто и стать замѣтной единицей среди врачебнаго госпитальнаго персонала. И едвали погрѣшимъ предъ истиной, если скажемъ, что здѣсь-то главнымъ и самымъ прекраснымъ образомъ сказалась дѣятельность русской женщины, которая въ званіи сестры милосердія, врача или фельдшерицы проявила вполнѣ всѣ прекрасныя качества души и сердца,—здѣсь выразилась въ самомъ блестящемъ и самомъ яркомъ сіяніи превосходная и гуманная натура женщины, съ увлеченіемъ и сатоотверженіемъ работавшей и трудившейся надъ уходомъ за больными и ранеными.—Глубокое терпѣніе, чуткость къ нуждамъ несчастныхъ, сердечныя стремленія облегчить всѣми зависящими способами страданія послѣднихъ, искреннія желанія уразумѣть сущность ухода и попеченія, трудъ непрестанный и чрезмѣрный—все это отличало женщинъ, принявшихъ на себя обѣты гуманности и любви къ своему отечеству. Это я въ правѣ сказать, на основаніи многочисленныхъ личныхъ наблюденій и въ Болгаріи, и въ Румыніи, и тѣмъ болѣе на основаніи чрезвычайно многихъ свидѣтельствъ самихъ больныхъ, испытавшихъ на себѣ уходъ сестеръ и поэтому наиболѣе достовѣрныхъ свидѣтелей. И такіе отзывы шли отовсюда и съ Дуная и съ Кавказа. Нѣкоторые изъ нихъ уже приве-

дены ранѣ; но они выражали болѣе общія впечатлѣнія и потому могутъ быть приняты, какъ общіе отзывы о примѣрномъ исполненіи женщинами взятаго на себя дѣла, не опредѣляя въ тоже время строго объема и деталей этого дѣла. Чтобы опредѣлить дѣйствительное положеніе женщины въ госпиталяхъ во время войны и выяснить ея роль,—необходимо войти въ нѣкоторыя частности самаго женскаго ухода за больными и ранеными. Причемъ для выясненія, какъ всѣ детали выполнялись женщиной, воспользуемся, съ обязательнаго разрѣшенія главнаго военно-медицинскаго инспектора, по преимуществу отзывами и отчетами госпитальныхъ врачей, какъ лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ.

Послѣднее слово науки, по отношенію къ уходу за больными, состоитъ въ томъ, что главнымъ и непремѣннымъ условіемъ лучшаго ухода признается правильное распредѣленіе его между лицами, на которыхъ лежитъ попеченіе о больныхъ, или возможная систематизація труда, по которой извѣстныя частности дѣла лежатъ на отдѣльныхъ лицахъ, имѣющихъ должныя для этого качества, знаніе и умѣнье. Оставлять противно этому правилу дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ находились наши врачебныя заведенія, было-бы большою ошибкой, чрезвычайно неблагоприятно вліяющей на больныхъ и на весь ходъ госпитальнаго дѣла. Подтверженіемъ сказаннаго служить масса фактовъ. По этому во всѣ военно-временныя госпитали и были допущены сестры милосердія. Что же дѣлали онѣ въ военныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ?

1) Сестры нѣкоторыя служили помощницами врачей, т. е. строгими и прямыми исполнителями врачебныхъ предписаній или прямо сами или чрезъ санитарную прислугу и во многихъ случаяхъ даже замѣняли фельдшеровъ. Врачи, осматривая при своихъ визитаціяхъ больныхъ и раненыхъ и находя необходимымъ, по ихъ состоянію, измѣнить что-либо въ уходѣ за ними или предложить нѣчто новое, обращались прямо къ сестрамъ, на попеченіи которыхъ находились раненые и больные, и встрѣчали дѣйствительно строгихъ и не упустительныхъ исполнительницъ, такъ что въ огромномъ большинствѣ случаевъ могли вполнѣ положиться на нихъ и быть увѣренными, что предписанное будетъ исполнено въ точности съ особымъ вниманіемъ. Сверхъ того врачи были увѣрены и въ томъ, что сестры милосердія позаботятся не только выполнить предписанное, но и дадутъ затѣмъ отчетъ въ сдѣланномъ и даже въ тѣхъ

перемѣнахъ, которыя произошли съ больными или пограниней мѣрѣ о измѣненіи видимыхъ симптомовъ. Въ этомъ случаѣ на сестрахъ лежали: и измѣреніе температуры и наблюденіе за выдѣленіями и видимыми симптомами болѣзни. Что касается раненыхъ, то сестры милосердія конечно были постоянными помощницами хирурговъ, при перевязкахъ раненій и даже при совершеніи разныхъ операцій. На нихъ лежали приготовленіе перевязочныхъ вещей и разныхъ другихъ необходимыхъ при этомъ предметовъ. И здѣсь примѣрная исполнительность, точность, нѣжность отличали женщину и даже во многихъ изъ нихъ замѣчено было умѣнье хорошо и тщательно дѣлать повязки и перевязки. Стремленіе же научиться этому хирургическому уходу было настолько сильно, что весьма многія изъ женщинъ, посвящавшихъ себя уходу за ранеными, въ этомъ направленіи подготавливались всего болѣе. Да и вообще былъ замѣченъ во время войны почти вездѣ тотъ фактъ, что сестры милосердія по преимуществу и съ большей охотой, «на перебой», какъ говорится, жаждали попасть въ хирургическія отдѣленія госпиталей.

Много хладнокровія и большое присутствіе духа требовались для такого рода дѣятельности;—такъ пограниности думается каждому. Пожалуй такъ оно и есть; но нельзя забыть того возбужденія чувствъ состраданія и сознанія принятаго на себя долга, какое господствовало среди женщинъ, посвятившихъ себя уходу за больными и ранеными воинами. Это возбужденіе поборало, такъ называемую, женскую слабость и вызывало столь много мужества и непреоборимой твердости духа и тѣла, что приходилось удивляться, какъ только въ состояніи были женщины вынести всѣ ужасы, связанные съ помощью раненымъ въ госпиталяхъ. При этомъ не возможно забыть мнѣнія, выраженнаго многими изслѣдователями, что женщина способна выносить большія напряженія воли и характера, подъ вліяніемъ увлеченія высокими чувствами. Здѣсь же сосредоточивались, кажется, всѣ высокія и сильныя возбужденія. И стоны несчастныхъ, просящихъ помощи, и слезы страдальцевъ, нуждающихся въ пособіи, и мысль объ услугахъ своей странѣ, и сознаніе гуманнаго долга, и внутреннія, присущія женской натурѣ, чувства любви къ ближнему, въ особенности къ страждущему! Столько сильныхъ возбужденій и надо сознаться, что русская женщина, отзываясь на все благородное, отзывалась на эти возбужденія всѣмъ своимъ существомъ, всѣми силами души и всѣми порами тѣла. Приходилось удивляться предъ проявленіями нрав-

ственной мощи и тѣлесныхъ силъ, такъ ярко обнаружившимися въ женщинахъ, отправившихся на театръ войны и нашедшихъ себѣ дѣло въ госпиталяхъ и лазаретахъ; такъ какъ, не говоря уже объ умѣньи и нравственныхъ пыткахъ, во многихъ случаяхъ приходилось сестрамъ самимъ исправлять обязанности и санитарной госпитальной прислуги, передвигать на своихъ плечахъ больныхъ и раненыхъ, способствовать имъ при различныхъ отправленіяхъ и проч. Это, кажется, и подало поводъ Н. И. Пирогову высказать желаніе, чтобы поступающія въ сестры милосердія обладали значительнымъ запасомъ физическихъ силъ и здоровья.

«Сестры милосердія въ нашемъ отдѣленіи госпиталя (54), сообщаетъ врачъ этого отдѣленія, всѣ отличались ревностію и стараньемъ помогать страждущимъ. Одна изъ нихъ специально посвятила себя тифознымъ. Сама завертывала въ простыни, прикладывала компрессы, раздавала имъ лекарства, пищу и такой добровольно добросовѣстный уходъ имѣлъ вліяніе на хорошіе исходы болѣзней». Какъ жаль, что не сохранилось имени этой самоотверженной женщины! Кавказскаго 21 госпиталя главный врачъ также сообщаетъ: «Сестра, находясь въ палатахъ, не мало пользы принесла больнымъ своимъ по истинѣ христіанскимъ уходомъ, доходившимъ до самоотверженія попеченіемъ о нихъ, въ особенности она проявила свою заботу въ уходѣ за тифозными, за что несчастная и поплатилась сама, заболѣвъ тифомъ».

И такъ первую свою обязанность—быть помощниками врачебнаго персонала—русская женщина въ качествѣ сестры милосердія въ госпиталяхъ выполняла примѣрно и *en masse* болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Конечно не обошлось безъ исключеній, но, къ радости, довольно рѣдкихъ. Справедливость не позволяетъ мнѣ обойти молчаніемъ одного отзыва, сдѣланнаго врачами Борнгауптомъ и Вельяминовымъ не въ пользу сестеръ, бывшихъ въ Александропольскихъ госпиталяхъ. По словамъ статьи, помѣщенной въ военно-медицинскомъ журналѣ, «нѣкоторыя сестры были прямо помощницами фельдшеровъ, нѣкоторыя даже замѣняли послѣднихъ, а были и такія, которыя, недовольствуясь своимъ положеніемъ сестры, принимали на себя роль врачей и даже контролировали дѣйствія хирурговъ». «Послѣднія зато менѣе внимательно относились съ ближайшимъ своимъ обязанностямъ, къ уходу за больными». И допуская полную достовѣрность фактовъ, можемъ лишь усмотрѣть, что вина въ

этомъ не лежитъ только на сестрахъ. Быть можетъ, нѣчто подобное встрѣчалось и еще кой гдѣ, но это составляло рѣдкія исключенія и причины крылись можетъ быть дѣйствительно въ недостаткѣ физическихъ силъ и умѣнья у нѣкоторыхъ женщинъ, послѣдовавшихъ лишь влеченію своего сердца и не справившихся съ своимъ здоровьемъ и подготовленіемъ: достаточны ли эти послѣднія, чтобы перенести дѣйствительно трудную и суровую службу въ госпиталяхъ, въ особенности сдѣлавшуюся тяжелой, по особымъ военнымъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ иногда госпитали бывали переполнены больными. По этому случаю припоминаются уроки для сестеръ «Краснаго Креста» въ Петербургской Врачебной Общинѣ, гдѣ каждый наставникъ, при вступленіи въ свои чтенія, трактовалъ о тяжести службы сестеръ на войнѣ, объ условіяхъ госпитальной дѣятельности, и, не запугивая конечно, указывалъ подробно на тѣ труды и лишенія, на тѣ отношенія, которые неминуемо встрѣтятъ ихъ въ будущей дѣятельности. Это было необходимо въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы подготавливающимся къ дѣлу ухода за больными имѣли возможность заранѣе повѣрить свои силы и затѣмъ уже съ полной увѣренностью вести свое дѣло. Припоминаются и такіе случаи, что нѣкоторыя изъ дамъ сами просили разрѣшенія бывать въ военныхъ госпиталяхъ, присутствовать при операціяхъ, чтобы испытать себя, свои чувства и нервы и опредѣлить, въ состояніи ли онѣ выносить всѣ тѣ впечатлѣнія, какія даются хирургическимъ и госпитальнымъ леченіемъ. Простыя же женщины обыкновенно говаривали: «Богъ поможетъ» и слѣдовали влеченію своего сердца, не со страхомъ, а съ истинной сердобольностью, подавая нужную помощь больнымъ и раненымъ. Отсюда и въ русскомъ народѣ эти женщины получили наименованіе: **с е р д о б о л ь н ы хъ с е с т е ръ**. Когда же наступила дѣйствительная работа, настали дни и часы горя и тяжести; всѣ онѣ, забывая себя, свою немощь, вооружались высокимъ терпѣніемъ и мужественно двигались среди стонувъ раненыхъ, среди ужасныхъ картинъ, ошеломяющихъ глаза и сердце человѣка, среди надрывающихъ душу криковъ, мольбы, жалобъ, стenanій, проклятій, бреда и наконецъ среди умирающихъ и умершихъ жертвъ войны. Онѣ бодро и съ любовью перевязывали раны, подавали возбуждающія средства, слѣдили за состояніемъ больныхъ и безъ всякаго промедленія относились къ врачамъ за совѣтами и предписаніями на счетъ леченія больныхъ и раненыхъ. По словамъ одной изъ сестеръ, на долю которой вы-

пало нести службу при операціяхъ, «сначала сердце обливалось кровью и даже совѣмъ потерялась, не зная, что и какъ приготовить и пр. Но потомъ освоилась до того, что уже стала разбирать, кто какъ рѣжетъ». Это не означало, что сердце женщины зачерствѣло, окаменѣло, но показываетъ, что дѣйствія сдѣлались глубоко проникнутыми идеей той огромной пользы, какую получаетъ раненый вслѣдствіе искусной операціи. Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ сестры замѣняли фельдшеровъ, выполняя обязанности, обыкновенно возлагаемыя на послѣднихъ. «Нельзя не выразить сожалѣнія», пишетъ главный врачъ 51-го военно-временнаго госпиталя, «что дѣятельность врачей была парализована отсутствіемъ помощи со стороны фельдшеровъ, изъ которыхъ самая меньшая часть была подготовлена надлежащимъ образомъ. Къ счастью впрочемъ врачи находили богатую помощь со стороны усердныхъ, внимательныхъ и гуманныхъ сестеръ милосердія. Нѣкоторые изъ нихъ были хорошо знакомы съ правилами ухода за больными и ранеными».

2) Еще болѣе, очевиднѣе и дѣйствительнѣе помощь сестеръ милосердія оказывалась собственно въ уходѣ за больными, или присмотрѣ за ихъ бѣльемъ, одеждой, постелью и пр. Главной цѣлью этого ухода были, по мѣрѣ возможности, удобства, чистота и опрятность. Здѣсь уже глазъ и рука женщины не замѣнимы. Вездѣ въ госпиталяхъ, гдѣ только работали и служили сестры, эта сторона ухода была гораздо болѣе обезпечена, чѣмъ при нашей обычной санитарной прислугѣ, набранной изъ отставныхъ и даже изъ болѣе уже негодныхъ въ строй солдатъ. Эти послѣдніе къ чистотѣ совѣмъ были невнимательны и менѣе всего заботились объ опрятности; такъ что хлопотъ и возни съ ними у врачей было очень довольно. Сестры-же милосердія сами весьма строго слѣдили за возможно удовлетворительнымъ содержаніемъ больнаго и его постели въ порядкѣ и опрятности. Нѣкоторые изъ нихъ даже сами мыли и стирали бѣлье больныхъ, сами постилали и оправляли кровати, въ особенности для оперированныхъ и слабыхъ. При этомъ весьма усердно слѣдили и за тѣмъ, чтобы прислуга поддерживала чистоту въ палатахъ, опрятно содержала всѣ вещи въ госпитальныхъ шатрахъ и вокругъ нихъ.

Конечно, все это занимало такъ много времени, что пожалуй не хватало его для достаточнаго отдыха. Совершенно нерѣдкость была, если сестры работали, непокладая рукъ, въ теченіи всего дня, а

иногда и ночи. Раннее утро (часовъ 6—7) заставляло ихъ на ногахъ у постели больныхъ и позднимъ только вечеромъ (часу въ 8—9—10) онѣ получали возможность освободиться отъ занятій на нѣкоторое время для ночнаго отдыха, ибо также нерѣдко приходилось вторично отправляться въ свои отдѣленія, чтобы снова перевязать, присмотрѣть за всѣмъ въ госпитальныхъ палатахъ. Самое краткое время употреблялось ими для подкрѣпленія себя пищею, для дыханія хотя нѣсколько свѣжимъ воздухомъ, для возбужденія утомленныхъ силъ чаемъ; ибо не было ни малѣйшей возможности, при огромныхъ скопленіяхъ больныхъ, пользоваться болѣе продолжительнымъ временемъ для отдыха. Ихъ, какъ говорится, тянули снова въ госпиталь неоконченное дѣло и всегдашнія опасенія за больныхъ, какъ тянетъ мать къ своимъ дѣтямъ. «Уходъ сестеръ» занесено въ отчетъ главнаго врача 51 госпиталя, находившагося на Кавказѣ, «особенно оказалъ громадную пользу раненымъ и трудно больнымъ». «Дѣятельность сестеръ милосердія въ дѣлѣ оказанія помощи больнымъ и раненымъ въ настоящую войну была неопѣнима»,—пишетъ главный врачъ другого (25-го) госпиталя, дѣйствовавшаго на Кавказѣ. «Присутствуя при визитаціи, онѣ, по указанію ординатора, производили перевязку раненыхъ съ величайшею охотою и полнымъ знаніемъ дѣла. Съ 7½ часовъ утра до 2 дня сестры находились въ госпиталѣ, выполняя ежедневно все то, что лежало даже на обязанности фельдшеровъ. Только время обѣда было для нихъ отдыхомъ, а въ четвертомъ часу ихъ уже опять можно было найти среди больныхъ въ палатахъ. Трудъ, который несутъ сестры и тѣ гуманныя чувства, которыя онѣ успѣли выказать въ дѣлѣ ухаживанія за больными и ранеными, не оставались безъ должнаго возмездія; со стороны послѣднихъ всегда слышна самая искренняя благодарность. Надолго въ памяти каждаго изъ врачей останутся эти труженицы, оставшія нерѣдко семью, близкихъ родныхъ, отказавшіяся отъ удобствъ жизни во имя столь святаго дѣла, какъ дѣло помощи больному и раненому, жертвуя своимъ здоровьемъ и жизнью».

Нельзя затѣмъ не привести по поводу всего вышеизложеннаго слѣдующаго отзыва одного изъ опытныхъ госпитальныхъ врачей, работавшихъ на дунайскомъ театрѣ войны. Онъ говоритъ: «Сестры милосердія, бывшія въ госпиталѣ, принадлежали къ московской общинѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были мало подготовлены, но онѣ выкупали это своимъ усердіемъ и охотой къ труду. Съ 7-ми часовъ

утра и до 8-ми вечера онѣ постоянно находились въ палатахъ больныхъ, дежуря на кухнѣ и по госпиталю, помогая ординаторамъ при перевязкѣ раненыхъ и сами перевязывая многихъ изъ нихъ, поили чаемъ и проч. Принадлежа къ бѣднымъ сословіямъ, онѣ не брезгали никакой работой,—мыли больныхъ, чѣмъ и заслуживали уваженіе врачей и общую любовь со стороны больныхъ». Такой правдивый отзывъ шелъ и отъ другихъ главныхъ врачей. Такъ, главный врачъ 81 госпиталя даетъ слѣдующій отзывъ о сестрахъ «Краснаго Креста», трудившихся въ госпиталѣ во Фратешти: «дѣятельность ихъ была, по истинѣ, изумительна. Немедленно, по прибытіи, сестры принялись съ полнымъ самоотверженіемъ за дѣло, конкурируя между собой, какъ въ числѣ больныхъ, такъ и въ уходѣ за ними. Нерѣдко среди глубокой ночи заставлялъ я этихъ труженицъ въ палатѣ, обмывавшихъ заскорузлую, усыпанную мириадами наскомоныхъ, голову больного и очищавшихъ почернѣвшія отъ гангрены язвы даже обмерзшихъ турокъ». Да и всѣ врачи единогласно пишутъ, что неутомимый трудъ отличалъ большинство сестеръ милосердія и «Краснаго Креста», забывавшихъ о своихъ силахъ и напрягавшихъ ихъ до послѣдней возможности! «Благодаря сестрамъ, не было замѣтно упущенія ни въ раздачѣ лекарствъ, ни въ уходѣ за больными. Элементъ этотъ крайне полезенъ и необходимъ для госпиталей, особенно для военно-временныхъ». Такое мнѣніе, выраженное главнымъ врачомъ 66 госпиталя, есть общее мнѣніе всѣхъ врачей.

3) Между занятіями сестеръ въ госпиталяхъ было одно не менѣе серьезное, постоянное и замѣчательное тѣмъ, что оно наиболѣе наглядно выразило пользу сестеръ и указало въ нихъ весьма полезный элементъ госпитальной жизни. Это занятіе — хлопоты и присмотръ на кухнѣ. Здѣсь сестры милосердія на первыхъ же порахъ оказали явные и серьезные услуги больнымъ и госпитальному дѣлу. Дежурство сестеръ на кухняхъ, присмотръ за приготовленіемъ пищи, раздачей ея, вниманіе къ нуждамъ больныхъ и предписаніямъ врачей, на столько оказались полезными и благотворными мѣрами, что всѣ госпитали сочли ихъ за непремѣнныя условія и относились къ нимъ весьма одобрительно. Нѣтъ надобности говорить о честности дежурныхъ сестеръ, равно какъ нѣтъ надобности доказывать фактами ихъ нравственные высокія качества, заботу объ интересахъ больныхъ и проч. Довольно ука-

затѣ хоть бы на такія несомнѣнныя явленія, которыя приводилось встрѣчать во многихъ госпиталяхъ. Улучшеніе пищевого довольства больныхъ вездѣ слѣдовало за водвореніемъ сестеръ на кухняхъ и въ этомъ случаѣ врачи отдавали полную справедливость сестрамъ, ввѣряя имъ весь присмотръ на кухняхъ и оставляя за собою тѣ права и обязанности, которыя предписаны закономъ. Вообще при приѣмѣ пищевыхъ припасовъ, при приготовленіи пищи, при раздачѣ ея сестры милосердія были вполнѣ довѣренными лицами врачебнаго персонала, и послѣдній въ этомъ отношеніи могъ оставаться спокойнымъ, видя строгихъ блюстительницъ за этой стороною госпитальнаго дѣла. Сколько разъ приходилось видѣть на кухняхъ дежурныхъ сестеръ, весьма внимательныхъ и строго слѣдящихъ за порядкомъ на кухняхъ, — больше своего глаза берегущихъ интересы своихъ больныхъ и не отступающихъ ни предъ кѣмъ, ни предъ чѣмъ въ случаѣ какой либо несправедливости!.. Большинство ихъ ознакомилось и съ составомъ и съ величиной госпитальной порціи и съ самыми положеніями на счетъ продовольствія больныхъ. Иныя даже сами принимали участіе въ приготовленіи пищи особенно для трудныхъ больныхъ. Нѣкоторыя группы сестеръ не прибѣгали къ дежурствамъ, въ виду иногда малыхъ способностей той или другой сестры къ кухонному искусству и къ познаніямъ въ этомъ дѣлѣ. Онѣ останавливались на одной, двухъ сестрахъ, болѣе понимающихъ дѣло, и имъ предоставляли все дѣло на кухнѣ. Конечно отъ этого выигрывало только дѣло. Опытныя сестры приносили болѣе пользы, и — дѣйствительно находились такія труженицы, которыя всѣ свои силы употребляли на госпитальныхъ кухняхъ. И въ этомъ отношеніи не только пожилыя, но и молодыя сестры милосердія вполнѣ отличались, объ чемъ можно судить по массѣ самыхъ благопріятныхъ отзывовъ лицъ компетентныхъ и самихъ больныхъ, бывшихъ въ госпиталяхъ. Такъ главный врачъ 21-го госпиталя на Кавказѣ въ концѣ своего отчета сообщаетъ, слѣдующее: «Самую существенную пользу общество «Краснаго Креста» оказало больнымъ въ присылкѣ въ госпиталь сестеръ милосердія. Онѣ оказали особенныя услуги присмотромъ за приготовленіемъ пищи, правильною раздачею ея, а также правильною раздачею больнымъ чая, вина, водки и пр., слѣдили за тѣмъ, чтобы всѣ распоряженія палатныхъ ординаторовъ были въ точности исполняемы, особенно касающіяся трудныхъ больныхъ. Вообще сестры, къ чести ихъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнили возложенную

на нихъ обязанность. Одна изъ нихъ ежедневно, не смотря ни на какую погоду, съ пяти часовъ утра и ранѣе отправлялась на кухню, принимала припасы, взвѣсивъ ихъ подѣ своимъ наблюденіемъ. При ней клали въ котлы и безвыходно оставалась она на кухнѣ до раздачи обѣда; послѣ чего, заперевь котлы на замки, уходила къ больнымъ. Вечеромъ раздача ужина опять производилась подѣ ея наблюденіемъ. Такой тщательный присмотръ за приготовленіемъ пищи съ перваго же дня благотворно отразился на качествѣ пищи. Она сдѣлалась безукоризненно хороша, между тѣмъ какъ, до пріѣзда сестеръ милосердія, припасы хотя принимались дежурными врачами хорошими, но пища далеко не всегда была таковою». Мнѣ самому не одинъ разъ и не въ одномъ мѣстѣ приходилось видѣть русскую женщину, занимающуюся съ усердіемъ и достойною самой лестной похвалы ревностью, разными распоряженіями на кухнѣ. Въ Кіевѣ напр. въ одномъ изъ военныхъ госпиталей ежедневно присутствовала при пріемѣ и выдачѣ мяса, хлѣба—одна изъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, весьма ревниво относившаяся къ предмету своего наблюденія. Въ Бухарестѣ въ одномъ изъ военнo-временныхъ госпиталей молодая дѣвушка—сестра милосердія общины «Утоли моя печали» съ самаго ранняго утра хлопотала въ кухнѣ и дѣло ея кончалось довольно поздно вечеромъ, когда приняты были уже припасы на слѣдующій день.

Нужно было видѣть усердіе, съ которымъ дѣлалось дѣло, — познакомиться съ личностями, которыя считали своимъ долгомъ прежде всего распознать условія своего дѣла, — чтобы признать дѣйствительныя заслуги и сознать пользу такой дѣятельности.

— «Вы сегодня дежурная», спросили мы эту пчелу.

— «Нѣтъ! Съ нѣкоторыхъ поръ постоянно уже здѣсь на кухнѣ. Сестры и доктора открыли во мнѣ способность къ этому и вотъ ежедневно воюю съ поварами, ссорюсь съ поставщиками, какъ бѣльмо на глазу у прислуги. Но ничего! Дѣло идетъ пока хорошо!»

И дѣйствительно ничего! И дѣйствительно дѣло шло такъ ладно, какъ желалось бы вездѣ. О врачахъ и говорить нечего. Тѣ не нахвалились такой особой, которая держитъ у нихъ всю кухню въ порядкѣ.

По дорогѣ изъ Фратешти въ Зимницу, на одномъ изъ перепутій, поздней уже осенью встрѣтились намъ двѣ изъ сестеръ, на обязанности которыхъ лежали кухни военнo-временныхъ госпиталей. Изъ

разговоровъ съ ними удалось довольно подробно освѣдомиться о разныхъ условіяхъ этой дѣятельности и о всѣхъ мытарствахъ, какія должны были переносить эти многострадательныя особы.

Здѣсь положимъ нѣтъ стоновъ, нѣтъ картинъ, надрывающихъ всю душу; но существовали своего рода «виды», способные взволновать и возмутить до глубины души. Корысть, нажива, надувательство, утягиванье отъ несчастныхъ появлялись въ видѣ отвратительныхъ гарпій и не давали покоя женщинамъ, взявшимъ на себя трудъ присматривать на кухнѣ. Правда встрѣчали онѣ поддержку со стороны врачей, также воевавшихъ изъ-за интересовъ больныхъ; но мелочный постоянный надзоръ касался только женщинъ и конечно требовалъ съ ихъ стороны массы терпѣнія, мужества и умѣнья, чтобы справиться со всѣмъ этимъ.

— «Что подблаещь», говорила одна изъ почтенныхъ, хотя и простыхъ по образованію женщинъ, описывая порядки, царствовавшіе въ продовольствіи больныхъ, «споришь, споришь, а тамъ, какъ все уляжется, и наплачешься въ волю». «Этакая, прости Господи, прорва и необузданность!» Такъ называла она своихъ поставщиковъ, комиссаровъ и прислугу, съ которыми имѣла дѣло. «Отвернешься на минуту только, глядишь, ужъ и пошли, и пошли. И все наровять, какъ-бы по болѣе... Пойдешь этакъ-то къ старшей сестрѣ или къ доктору... Ну, придуть... стыдять, а сдѣлать что-либо, сейчасъ, тоже не могутъ... Гляди, говорятъ, О. В., крѣпче... И донесутъ временемъ,—а когда то придетъ отвѣтъ, дожидайся, бывало... Тоже и съ народомъ съ этимъ—служителями просто бѣда!.. Того другой и наровить, какъ-бы не донести до больного, а ужъ о чистотѣ наблюдать не его дѣло. На иномъ просто, кажись, креста-то нѣтъ».

— «Ужели всѣ такіе?»

— «Кто говоритъ, батюшка! Всякіе бывали—съ хорошими-то людьми не въ примѣръ лучше и легче. Кабы такихъ-то со всѣмъ не было, лучше бы тогда бѣжать безъ оглядки... Да, что и говорить!.. Господь помогъ сдѣлать... Его святая воля!..»

И не разъ потомъ встрѣчались подобныя личности и въ другихъ госпиталяхъ, несшія свою службу безропотно и беззавѣтно. Въ Сивстовѣ, Габровѣ, Боготѣ, Горномъ-Студенѣ, въ Браиловѣ, Галацѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ расположены были военные госпитали, равно какъ и на Кавказѣ, находились среди сестеръ ми-

лосердія такія личности, которыя воспринимали на себя «подвигъ такъ сказать, кухоннаго труженничества».

Для болѣе подробнаго разъясненія этого «подвига» извлекаю изъ замѣтокъ сестры «Кр. Кр.» нѣчто, касающееся службы сестеръ на госпитальныхъ кухняхъ. «Дежурства на кухняхъ выпадали на долю двухъ сестеръ Р. и К. Сознавая всю пользу и необходимость этого назначенія, онѣ принялись за дѣло съ энергіею. Обязанность этихъ дежурствъ состояла въ томъ, чтобы наканунѣ своего дежурства принять мясо, предварительно осмотрѣвъ его доброкачественность, затѣмъ утромъ повѣрить вѣсъ, какъ мяса, такъ и всей провизіи, затѣмъ наблюдать за приготовленіемъ пищи, за раздѣленіемъ порцій, и, по окончаніи всего этого, отпустить готовый обѣдъ. Тоже самое и съ ужиномъ. Конечно на это уходилъ цѣлый день. Первое, что болѣе всего обращало на себя вниманіе на этихъ дежурствахъ, это совершенное неустройство кухонь. Не было ни шкафа, гдѣ можно было бы скрыть отъ расхищенія принятую провизію, ни котловъ, въ которыхъ можно было бы ее во время варки заперать, какъ это дѣлается въ петербургскихъ госпиталяхъ, не было даже постоянныхъ вѣсовъ, чтобы можно было повѣрить принятую провизію. При такихъ условіяхъ дежурить было уже очень трудно; сестрамъ приходилось слѣдить за поваромъ каждый его шагъ. Если напр. провизія вся была опущена въ котелъ, то это еще не значило, что она останется тамъ не тронутой, стоило только сестрѣ на минуту отвернуться, какъ часть ея ускользала изъ котла. Въ первое же дежурство оказалось, что не достаётъ довольно много (слишкомъ $1\frac{1}{2}$ пуда) мяса. При распросахъ поваръ отрѣзалъ, что оно съ вечера у сохло. Конечно этому нельзя было повѣрить и пришлось звать комиссара, которому ничего ни оставалось, какъ прикупить недостающаго мяса. Тоже самое происходило и съ другой провизіей. Затѣмъ качество и сортъ мяса, поставляемаго подрядчикомъ, не всегда были хороши, не доставало нужной посуды и пр. Конечно сестры внимательно стали смотрѣть за всѣмъ этимъ и безъ сомнѣнія не нажили себѣ друзей... Почему провизію стали поставлять тогда, когда не было уже времени и проверять».

«Конечно на все это можно было жаловаться; но и на жалобы нужно было время, котораго вообще было слишкомъ мало. Да и трудно было при такой обстановкѣ найти какой нибудь исходъ. Коммиссаръ, напр., соглашался, что поваръ не хорошъ; но въ тоже время заяв-

лялъ, что другаго нѣтъ во всемъ городѣ. Усиленіе дежурствъ персоналомъ тоже было не возможно за недостаткомъ сестеръ. Для сестеръ, которыя несли «послушаніе» на кухняхъ, сдѣлалось оно физически невозможнымъ. Имъ приходилось утомляться выше своихъ силъ, такъ какъ кухни были устроены изъ рукъ вонъ плохо: дымъ и чадъ обыкновенно наполняли ихъ сверху до низу и ѣли глаза, изъ дверей дуло, какъ только можно. Постоянный шумъ, брань служителей,—все это при частомъ (черезъ день) дежурствѣ, которое, надо прибавить, начиналось съ 5 ч. утра и продолжалось до 10 ч. вечера, и сопровождалось массой непріятностей, сдѣлалось невыносимымъ, и въ концѣ концовъ одна изъ нихъ заболѣла серьезно. Впрочемъ въ другихъ госпиталяхъ дежурства сестеръ ограничивались тѣмъ, что сестры осматривали провизію, провѣряли готовую уже пищу, слѣдили за ея раздачей и пр. И при этомъ приходилось встрѣчать многое нехорошее и хотя нѣсколько содѣйствовать улучшенію».

«Въ одномъ изъ госпиталей, куда насъ прикомандировали, на первыхъ же дняхъ оказалось, что кушанье было плохо, порціи раздавались, какъ попало, и почти всегда ихъ не хватало, то 15 то и 20 порцій, почему и нѣкоторые больные должны были оставаться голодными, а что дѣлалось въ кухнѣ, съ которой мнѣ пришлось ознакомиться нѣсколько позже, и говорить нечего! Совѣстно за людей!. Конечно нельзя было оставить это безъ вниманія и мы сначала попробовали дѣйствовать на хозяйственныхъ чиновъ госпиталя, а какъ это не удалось, то обратились съ заявленіемъ, къ кому слѣдуетъ, и такимъ образомъ заставили чиновъ быть хоть нѣсколько повнимательнѣе къ дѣлу. Затѣмъ улучшились дѣла и относительно пищи, по крайней мѣрѣ стало хватать порцій, завелась и необходимая посуда. Но имѣя у себя на рукахъ болѣе 100 больныхъ, конечно, за всѣмъ усмотрѣть не было возможности. Само собой, что и небольшое наше внимательство возбудило враждебныя къ намъ отношенія лицъ, на которыхъ лежала хозяйственная часть госпиталя. И эти почти постоянныя столкновенія составляли самую скучную и непріятную сторону нашей дѣятельности на войнѣ».

Врачи въ этомъ случаѣ выражали полное свое удовольствіе; такъ какъ видѣли въ этомъ наиболѣе вѣрное ручательство, что дѣло поставлено будетъ удовлетворительнымъ образомъ.

— «Тамъ у меня есть око», говаривалъ одинъ изъ главныхъ вра-

чей (теперь уже умершій отъ тифа), — «шалишь, не на таковскую на-пали», обыкновенно передавалъ онъ, объясняя, какъ продовольствуются больные. — «Пока она у меня здѣсь, я вполне спокоенъ и увѣренъ, что до больныхъ доходить положенное и доходить все-таки въ наилучшемъ видѣ. Вотъ уже который мѣсяцъ, а жалобъ со стороны ординаторовъ и больныхъ ни одной. Жалуется прислуга, что ее за-гоняли, но знаю, что напрасно. Знаете что», оканчивалъ онъ, «не понимаю, какъ это не поймутъ простой истины, что женщина гораздо до полезнѣе и даже... честнѣе мужчины относится къ дѣлу. Вы посмотрите на эту неутомимую хлопотливость, на эту неподкупную, такъ сказать, совѣсть, и право, знаете, начнешь благоговѣть. Я раньше самъ прежде думалъ, что женщина на войнѣ ни къ чему не пригодится и «сей сосудъ скудельный» — только обуза и стѣсненіе, а теперь какъ узналъ хорошенько, какъ онѣ относятся къ дѣлу и увидалъ ясно, гдѣ и въ чемъ сказались ихъ добродѣтели, ничего иного не желаю, какъ женскаго глаза и ухода. Придешь на кухню — тихо, въ порядкѣ, всѣ и все на мѣстахъ, кушанья готовятся опрятно, не какъ прежде, — и какъ-то отраднѣе сдѣлается. Ни что не веселило насъ въ то время (дѣло касалось начала Сентября 1877 года), но все-таки сознаешь, что чѣмъ либо и полезны несчастнымъ, провозимымъ далеко и остающимся у насъ».

Подобные этому отзывы давались и во многихъ другихъ мѣстахъ. «Присмотрѣть на кухнѣ за опрятностью, чистотой и доброкачественностью приготовленной пищи больнымъ, — это у сестеръ дѣло первой важности», сообщаетъ главный докторъ 16 госпиталя, бывшаго на Кавказѣ. «Не разъ онѣ приготовляли собственноручно и даже на свои собственные средства такую пищу, которая безъ ихъ участія не могла быть доставлена отъ госпиталя». Госпитали, въ которыхъ и кухня была въ завѣдываніи сестры милосердія, и въ которыхъ сестры были привлечены къ такого рода дѣятельности, стояли относительно продовольствія больныхъ гораздо болѣе удовлетворительно. Сестры не ограничивались только наблюденіемъ въ кухнѣ, но и сами раз-давали кушанья больнымъ и раненымъ. Предъ нами и теперь въ одной изъ большихъ госпитальныхъ палатъ молодая сестра милосердія съ ведромъ супа въ одной рукѣ и разливательной ложкой въ другой, живо идущая по кроватямъ больныхъ и раздающая горячее.

«Развѣ не кому раздавать»? послышался вопросъ.

«Такъ то вѣрнѣе», промолвила сестра и, не останавливаясь ни-куда

сколько, поспѣшила далѣе и далѣе къ своимъ больнымъ, которые съ особеннымъ чувствомъ удовольствія смотрѣли на это молодое существо, перегибающееся подъ тяжестью ведра и со вниманіемъ отмѣривающее въ ихъ чашки горячаго кушанья. Сколько благодарности выражали эти усатыя, истомленные лица! Сколько истинно признательныхъ чувствъ можно было даже прочесть въ самыхъ позахъ храбрецовъ, которыхъ непріятельская пуля уложила въ госпиталь!

«Вотъ спасибо, что прислали сестрицъ», говорилъ одинъ изъ пожилыхъ унтеръ-офицеровъ, съ рукой на перевязи. «Нашъ братъ все какъ-то не того... А здѣсь, значить, лежать первый сортъ». Похвала изъ устъ героя—другому герою, русской женщинѣ, нашедшей исходъ своимъ чувствамъ и жадѣ къ дѣлу—въ дѣятельности, равной трудамъ своихъ отцевъ, братьевъ и мужей.

4) Хлопотливыя занятія на госпитальныхъ кухняхъ и вообще въ госпиталяхъ конечно усугублялись во время транспортовъ, т. е. когда прибывали больные въ госпиталь или когда отправлялись изъ него далѣе, и въ этомъ случаѣ для сестеръ милосердія удвоивалось дѣло. Онѣ вмѣстѣ съ врачами управлялись съ прибывшими, размѣщали ихъ, перемѣняли имъ бѣлье, чистили; когда же отправлялся транспортъ изъ госпиталя, готовили больныхъ, снаряжали ихъ въ путь, заботясь о достаточномъ количествѣ теплой одежды или пищи и пр. Иныя же сопровождали даже больныхъ до мѣста назначенія транспорта. Въ трудное для арміи время, когда транспортъ за транспортомъ раненыхъ двигался съ Шипки, или отъ Плевны чрезъ Систово, пробираясь на другую сторону Дуная, врачамъ и сестрамъ попутныхъ госпиталей, напр. Тырновскаго, Булгаренскаго, и по преимуществу Систовскаго работы было слишкомъ, слишкомъ довольно. Нужно было хотя нѣсколько успокоить тысячи больныхъ и раненыхъ и успокоить, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ со стороны мѣстности, погоды, недостатка необходимыхъ вещей и пр... Поздней осенью ночью встрѣтились какъ то разъ сестры, поднимающіяся по крутому Систовскому подъему отъ Дуная. Невольно возникъ вопросъ: откуда онѣ бредутъ въ такую грязь, непогодъ и такъ поздно?

«Транспортъ засѣлъ тамъ на берегу, больныхъ надо было накормить хотя...завтра еще можетъ попастьъ и не рано въ Зимницу. Тамъ и пробыли. Снесли, что приготовлено было. Изъ теплыхъ ве-

щей тоже. Не близко же и транспортъ то большой, — вотъ и опоздали. А и грязь же!».. — отъликались онѣ другъ другу, пробираясь съ фонариками кой какъ около мѣстныхъ заборовъ и шлепая большими сапогами чуть не по колѣна въ распутившейся грязи. Весьма важны въ этомъ случаѣ свидѣтельства лицъ, предъ глазами которыхъ шла постоянная дѣятельность сестеръ и которые могутъ быть признаны компетентными въ госпитальномъ дѣлѣ. Такъ между прочимъ относится одинъ изъ врачей госпитальныхъ: «ласковое обращеніе съ больными и вселеніе въ нихъ надежды на выздоровленіе ободряли больныхъ. Что касается до транспортируемыхъ; то заботы сестеръ удваивались, сестры отправлялись въ транспорты, выдавали больнымъ бѣлье, теплые сапоги, полушубки, кутали ихъ матерински, увеличивая объ нихъ искреннее сердечное попеченіе».

Тожѣ самое приходилось на долю и другихъ сестеръ, бывшихъ на Кавказѣ. И тамъ въ госпиталяхъ попутныхъ, при проходѣ транспортовъ съ больными и ранеными, удвоивалась работа ихъ до такой степени, что можно было лишь удивляться громадному запасу силъ или энергіи въ русской женщинѣ, посвятившей себя на этотъ добровольный и сердобольный трудъ. Разказы сестеръ о такихъ дняхъ полны многими воспоминаніями болѣе конечно печальнаго свойства. Сколько болѣло ихъ сердце, сколько жалобъ на свое безсиліе, какія искреннія желанія добра ближнему!...

5) Заботы о продовольствіи или вѣрнѣе о приготовленіи и доставленіи хорошей пищи больнымъ не кончались только порціями по госпитальнымъ положеніямъ; но такъ какъ общество «Краснаго Креста» имѣло свои склады и иногда прибавляло изъ своихъ средствъ на улучшеніе продовольствія, то сестры неуклонно занимались раздачею разныхъ вещей больнымъ. То приносили изъ одежды что нибудь, то выдавали вино, табакъ, то раздавали платки, кисеты, то снабжали больныхъ нѣкоторыми вещами, необходимыми для большихъ удобствъ при положеніи. Все это обыкновенно падало на дежурныхъ сестеръ или на одну избранную изъ среды ихъ, которая завѣдывала, такъ сказать, кладовой, промежуточной между складами и госпиталемъ, и на обязанности которой лежало заявленіе въ главномъ складѣ о потребности въ тѣхъ или другихъ предметахъ и выдача послѣднихъ больнымъ и раненымъ. Въ этомъ отношеніи правда встрѣчались нѣкоторыя недоразумѣнія, поводомъ къ которымъ служили, какъ кажется, неполное знакомство сестеръ съ госпи-

тальными уставами и не совѣтъ еще достаточное изученіе, что собственно можно позволять иному больному и что для другого рѣшительно невозможно, по роду и состоянію его болѣзни или потому что не дозволяютъ положенія санитарной науки. Кой какъ конечно нашлись пути, что бы положить конецъ пререканіямъ, во всякомъ случаѣ, представлявшимъ нѣкоторыя опасности благосостоянію госпиталя. Мѣстами сестры нашли лучшимъ и этого рода дѣятельность сообразовать съ назначеніями и опредѣленіями врачей; а въ другихъ мѣстахъ врачи, предоставивъ большую свободу сестрамъ въ этомъ отношеніи, заботились о направленіи подобной ихъ дѣятельности къ дѣйствительной пользѣ больныхъ. Но все это случайныя рѣшенія, зависящія отъ индивидуальныхъ свойствъ каждаго и каждой; тогда какъ и въ этомъ необходимы болѣе опредѣленные правила, необходимы еще болѣе потому, что правильное и опредѣленное регулированіе отношеній тѣхъ и другихъ дѣятелей можетъ вести лишь къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Въ своемъ мѣстѣ будетъ еще разборъ взаимныхъ отношеній врачей и сестеръ милосердія, а теперь окончимъ нашъ краткій очеркъ дѣятельности сестеръ въ военныхъ госпиталяхъ, сказавъ нѣсколько словъ о нравственномъ уходѣ за больными и ранеными. Этотъ уходъ правда не представляетъ рѣзкихъ отличій отъ того, который описанъ въ предыдущихъ строкахъ, — каждое дѣйствіе сестры милосердія сопровождалось теплыми словами участія къ страждущимъ, ласковыми материнскими взглядами и нѣжнымъ обращеніемъ; но тѣмъ не менѣе нельзя было не видѣть большаго вліянія всего этого на больныхъ. По свидѣтельству главнаго врача 68 госпиталя, находившагося въ Русукомъ отрядѣ, «помощь нравственная сестеръ милосердія не могла не отзываться благотѣльно на состояніи больныхъ». «Утѣшенія, обнадеживанье лучшимъ, слова сердечнаго участія — все это неволью располагало больныхъ къ твердости въ перенесеніи болѣзней и ранъ, возвышало энергію и силу противоудѣйствія болѣзнямъ». Другой врачъ по этому поводу пишетъ слѣдующее: «ласковое обращеніе съ больными, вселеніе въ нихъ надежды на выздоровленіе и особыя нѣжныя заботы о выздоравливающихъ оказывали замѣтное вліяніе на больныхъ и вызывали въ послѣднихъ общую любовь къ сестрамъ милосердія». «Сестры не упускали случая», сообщаетъ въ своемъ отчетѣ третій врачъ (Кавказъ), «чтобы развлечь и пріободрить больнаго, прочесть ему газету, занять разговоромъ. Ихъ облагораживающее вліяніе

на грубую обстановку солдатъ несомнѣнно. Среди разнообразной дѣятельности, онѣ находили время чинить бѣлье больнымъ, писать письма ихъ семьямъ. Однимъ словомъ сестры оказались достойными своего высокаго званія, за что и пользовались у своихъ больныхъ уваженіемъ и любовью. Обращеніе больныхъ къ сестрамъ въ выраженіяхъ «сестрица, мать родная, сестрица кормилица»: не требуютъ комментаріевъ». При этомъ безъ сомнѣнія имѣли особое значеніе хорошее общественное образованіе и направленіе; такъ какъ приобрѣталось уваженіе всѣхъ, а этимъ самымъ давалось болѣе возможности дѣйствовать еще удовлетворительнѣе и полезнѣе.

6) Каждый пойметъ состояніе больного или раненаго въ особенности солдата въ чужой землѣ, лишеннаго возможности дать письменно свѣдѣнія о себѣ своимъ близкимъ и роднымъ, послать вѣсточку на родину въ свою деревню,—благословить дѣтей или получить благословеніе отъ своихъ родителей. Большую отраду во времена тяжелыя доставляли письма и вообще переписка. Сестры вездѣ почти исполняли съ усердіемъ обязанности чтицы и переписчицы для больныхъ и пользовались дорогимъ уваженіемъ своихъ кліентовъ—больныхъ и раненыхъ, которые такимъ образомъ могли сообщить о себѣ своимъ и скорѣе узнать о своихъ въ томъ случаѣ, если приходили изъ Россіи письма. Кто видѣлъ картины госпитальной жизни, когда сестра или кто либо изъ персонала усаживался за письма для нѣкоторыхъ раненыхъ, тотъ едва ли забудетъ радостныя и одушевленные лица низшихъ чиновъ, приступавшихъ къ процессу сказыванія всѣхъ ему милыхъ по именамъ и по отчествамъ и посыланію имъ всѣмъ поклоновъ и памяти... просьбы родительскаго благословенія, наставленій женѣ, дѣтямъ и многое т. п. Съ терпѣніемъ и важностью, подобающими въ такихъ случаяхъ, чертила сестра посланія всѣмъ просящимъ и разсылались всюду эти исполненные простой сильной любви письма, эти вопли отягченныхъ страданіями душъ—печальные или радостные вѣстники для весьма многихъ семей въ Россіи. Къ сожалѣнію только наши почтовые сообщенія были слишкомъ затруднительны и непостоянны; но тѣмъ не менѣе сестры милосердія въ числѣ своихъ добровольныхъ обязанностей внесли и писаніе писемъ больнымъ и раненымъ, которые сами не были въ состояніи взяться за перо и начертить хотя нѣсколько словъ.

Въ общемъ очеркъ работъ и труда сестеръ въ госпиталяхъ нельзя не упомянуть о дѣятельности сестеръ въ специальныхъ лазаре-

тахъ «Кр. Кр.» какъ-то: въ лазаретѣ для глазныхъ больныхъ, устроенномъ на средства г. Полякова въ Бухарестѣ. Въ этомъ лазаретѣ все время трудились въ качествѣ сестеръ милосердія г-жа Полякова и три ея дочери съ особымъ усердіемъ и преданностью дѣлу. За тѣмъ считаю необходимымъ привести отзывъ главнаго доктора военновременнаго 68-го госпиталя, бывшаго въ Русукскомъ отрядѣ, объ англійскихъ діакониссахъ, прибывшихъ, по волѣ Е. В. Наслѣдника Цесаревича, 1 Декабря 1877 года въ госпиталь, и немедленно же открывшихъ свои дѣйствія подъ руководствомъ старшей сестры Христины Дондасъ.

«Помощь ихъ», сообщаетъ докторъ, «не смотря на краткій періодъ дѣятельности, была матеріальная и нравственная. Онѣ выдавали привезенные съ собою табакъ, обувь, бѣлье, одежду, бульоны, сгущенное молоко и другіе консервы, перевязочныя вещи, — затѣмъ раздавали чай, сахаръ и другіе предметы, присылаемые обществомъ «Краснаго Креста», помогали въ перевязываніи раненыхъ и пр. Нравственная помощь хотя рѣзко и не отличается отъ первой, но тѣмъ не менѣе умолчать объ ней невозможно. Онѣ раздавали для чтенія книжки, изданныя Библейскимъ обществомъ, крестики — словомъ выражали сердечное участіе въ судьбѣ больныхъ и раненыхъ. Особенно признательность заслужила главная сестра — женщина высокой нравственности. Сочувственныя отношенія этой группы сестеръ при уходѣ не могли не отразиться благотѣльно на состояніи больныхъ. Къ чести и заслугамъ всей почти безъ исключенія уважаемой группы сестеръ нужно присовокупить хорошее общественное и христіанское образованіе и направленіе при сознательной добровольной дисциплинѣ въ отношеніи врачей, уваженіе къ познаніямъ и ординаціямъ врачей и отсутствіе всякаго тщеславія и своеволія въ дѣйствіяхъ, выходящихъ изъ круга ихъ понятій и обязанностей». «Правда», замѣчаетъ докторъ, «были два недостатка: непониманіе языка раненыхъ и крайняя небрежливость въ расходованіи средствъ и предметовъ, или англійская, такъ сказать, расточительность. Но въ первомъ случаѣ врачи старались служить переводчиками и толковниками; а старшая сестра выучилась главнѣйшимъ русскимъ фразамъ для объясненія еѣ больными. Въ послѣднемъ же опять таки старшая сестра не могла принять на себя отвѣтственности». Нельзя забыть при этомъ, что во все время войны вся помощь больнымъ и раненымъ, какъ медицинская, такъ и по уходу за ними, лежала на

русскихъ людяхъ: первая на русскихъ врачахъ, а послѣднее на русской женщинѣ.

Въ концѣ этого очерка госпитальной дѣятельности сестеръ милосердія и «Краснаго Креста» остается прибавить извлеченія изъ отчетовъ нѣкоторыхъ врачей.

«Я очень счастливъ», сообщаетъ въ своемъ отчетѣ д. Монастырскій, главный врачъ Яскаго постоянного лазарета «Краснаго Креста», «что могу и долженъ высказать, относительно дѣятельности сестеръ милосердія, самое лестное и самое похвальное. Ихъ уходъ за ранеными и больными, ихъ дѣятельность по части хозяйственной вполне заслуживаютъ этого. Постоянный лазаретъ исполнилъ свою задачу только, благодаря содѣйствію сестеръ, которыхъ мы, по счастью, получили себѣ въ неутомимыя помощницы. Сестры удовлетворили, противъ моего ожиданія, въ чемъ чистосердечно сознаюсь, своею примѣрнѣйшею дѣятельностью даже меня, человѣка весьма требовательнаго и взыскательнаго въ дѣлахъ госпитальной службы и относившагося первоначально нѣсколько скептически къ полезности института сестеръ вообще».

«Съ удовольствіемъ констатирую теперь фактъ, что сестры постоянного лазарета своей дѣятельностью сумѣли внушить мнѣ лучшее мнѣніе о полезности сестеръ вообще. Онѣ, за самыми малыми исключеніями, поражали всякаго своимъ трудолюбіемъ, своей неутомимостью, постояннымъ стремленіемъ услужить чѣмъ либо больному, своимъ умѣньемъ говорить съ солдатомъ, на понятномъ для него, сердечномъ языкѣ, онѣ заставляли его забывать, что онъ находится въ больницѣ, ободряли падающихъ духомъ, успокаивали страдающихъ отъ ранъ или тоскою по родинѣ. Относительно распоряженій врачей, сестры всегда были аккуратны, исполнительны. По возвращеніи студентовъ и студентокъ въ Петербургъ, фельдшерскія обязанности возложили на сестеръ милосердія и онѣ исполняли ихъ вполне удовлетворительно. Наконецъ сестры умѣли всегда вести себя скромно, ласково, снисходительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безукоризненностью поведенія, какъ въ лазаретѣ, такъ и внѣ его, невольно внушали каждому глубочайшее къ себѣ уваженіе. Однимъ словомъ сестры милосердія вполне поддержали своей благотворною дѣятельностью и своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ честь и достоинство русской женщины».

«Безъ всякаго сомнѣнія,» пишетъ главн. докторъ 16 госпиталя,

«самымъ крупнымъ явленіемъ дѣятельности общества «Кр. Кр.» надо считать назначеніе для госпитальной дѣятельности своихъ достойныхъ представителей, въ качествѣ сестеръ милосердія. Честная, трудовая жизнь ихъ на пользу ввѣренныхъ имъ больныхъ, нравственное вліяніе на солдатъ останутся на всегда въ памяти тѣхъ, кому пришлось наблюдать, а тѣмъ болѣе испытать на себѣ результаты безкорыстія и преданности своему дѣлу среди тяжелой, непривѣтливой госпитальной обстановки. Если въ постоянныхъ госпиталяхъ и притомъ въ мирное время эта обстановка даетъ себя чувствовать слишкомъ тяжело, то что сказать о подвижныхъ госпиталяхъ въ военное время, когда ихъ положеніе несравненно хуже? Вотъ тутъ-то и сказала вся славная дѣятельность сестеръ. Не говоря о службѣ на кухняхъ, не менѣе услуги оказали онѣ въ уходѣ за больными; онѣ приучали, руководили неумѣлыми служителями, при уходѣ за своими собратами, а для трудно больныхъ составляли настоящихъ несмѣнныхъ сестеръ, не одну ночь проводя безъ сна у постели больного, и выполняя все нужное для его леченія».

При обзорѣ вообще дѣятельности русской женщины въ военновременныхъ госпиталяхъ естественно рождаются вопросы: сколько сестеръ трудилось въ томъ или другомъ госпиталѣ и сколько больныхъ и раненыхъ приходилось на каждую изъ нихъ? Положительные и опредѣленные (цифровые) отвѣты на эти вопросы могли бы служить указателями и того, какія усилія потребовались со стороны сестеръ, и того, какое количество ихъ въ будущемъ необходимо назначать въ военновременные госпитали. Точныхъ цифръ въ настоящее время еще не имѣется; но нѣкоторые данныя позволяютъ въ этомъ отношеніи приблизиться къ рѣшенію поставленныхъ вопросовъ. Предполагалось достаточнымъ, если-бы 40—50 больныхъ были ввѣрены попеченію одной сестры и дѣйствительно большей частью въ началѣ въ госпиталь, имѣющій 600 мѣстъ, назначалась группа сестеръ, состоящая изъ 15 младшихъ сестеръ и одной старшей, т. е. сорокъ больныхъ ввѣрялись попеченію одной сестры. Но, по мнѣнію многихъ врачей, такое отношеніе удовлетворительно при обыкновенныхъ условіяхъ, въ госпиталяхъ же, въ которыхъ находится много трудныхъ больныхъ и особенно заразныхъ, такое число сестеръ оказывалось далеко недостаточнымъ. На самомъ дѣлѣ потомъ выходило такъ, что уже не 40—50 больныхъ, а гораздо болѣе приходилось на одну сестру. Въ особенности же отношенія численныя

были не удовлетворительны, когда госпитали оказывались переполненными больными и ранеными, когда въ нихъ скоплялась масса тифозныхъ, дизентериковъ и лихорадочныхъ и когда наконецъ между санитарнымъ персоналомъ и между самими сестрами развилась страшная болѣзненность и по преимуществу появились тифозныя заболѣванія. Тогда уже на тысячи полторы и даже на двѣ больныхъ оставалось много, много какъ десять сестеръ. Въ Сисовѣ въ Январѣ 1878 г. цифра больныхъ почти постоянно держалась болѣе 2 тыс., а сестеръ еще здоровыхъ не болѣе десяти, въ Санъ Стефано—больныхъ не менѣе 3 тысячъ, сестеръ же не болѣе 15 и такъ во многихъ мѣстахъ. Г-жа Пезе-де-Корваль, осматривавшая 16 госпиталь въ Севастополѣ, «нашла, что въ немъ больныхъ было до 2 тыс. и при нихъ только 12 сестеръ, 20 же лежали больными; нѣкоторыя заразились во время ухода за больными, другія же заболѣли отъ утомленія, та же участь ожидала и наличныхъ сестеръ, отъ чего конечно страдалъ и уходъ за больными». По мнѣнію ея «для госпиталей, предназначенныхъ для заразныхъ больныхъ, необходимо имѣть двойной комплектъ сестеръ милосердія, дабы онѣ, чередуясь между собой, могли одинъ день проводить внѣ госпиталя, пользуясь отдыхомъ и незараженнымъ воздухомъ».

Невозможно не согласиться съ справедливостью высказаннаго мнѣнія, вытекающаго изъ прямыхъ наблюденій, и надо ожидать, что указанія опыта не останутся безслѣдны для будущаго. Недавнее же прошлое показало лишь, какъ много труда понесли сестры милосердія и съ какимъ самоотверженіемъ онѣ вели свое дѣло въ госпиталяхъ.

Такъ какъ военно-временные госпитали дѣлились иногда на отдѣленія, въ которыхъ было по 200 мѣстъ; то и группы сестеръ также подвергались дробленію на маленькіе отряды изъ 2—3—4 и болѣе сестеръ. Къ сожалѣнію только, и въ отдѣленіяхъ госпитальныхъ наблюдалось тоже переполненіе больныхъ и сестрамъ приходилось трудиться усиленно...

И такъ на основаніи отзывовъ врачей, которые дѣйствительно могли болѣе, чѣмъ кто либо другой, по справедливости, оцѣнить дѣятельность женщины въ госпиталяхъ, слѣдуетъ придти къ заключеніямъ о полезности женскаго ухода въ госпиталяхъ вообще и о болѣе, чѣмъ удовлетворительномъ исполненіи женщиной принятыхъ ею на себя обязанностей. По общему признанію врачей, ея

умѣнье, энергія и нравственныя качества не остались безъ вліянія на благосостояніи больныхъ и самыхъ врачебныхъ заведеній. Если же припомнимъ, при какихъ плохихъ условіяхъ приходилось работать и если присоединимъ только что разъясненное невыгодное обстоятельство, т. е. число больныхъ, о которыхъ приходилось заботиться; то еще болѣе должны будемъ отдать справедливость трудамъ и заслугамъ русской женщины, работавшей въ госпиталяхъ во время Русско-Турецкой войны. Не смотря на всѣ неудобства и даже на то, что иногда строй сестеръ и врачей весьма разрѣжался вслѣдствіе болѣзни многихъ изъ нихъ, сестры бились изъ послѣднихъ силъ и заслуженно пользуются той данью уваженія, какая выражена и специалистами - врачами, и не специалистами — больными и очевидцами. Службой своей въ военно-временныхъ госпиталяхъ русская женщина опытно доказала: во первыхъ, свои гражданскія способности и во вторыхъ, неизбѣжность участія женщины въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными даже на войнѣ!. Все это дало и врачамъ основаніе заявлять о необходимости введенія сестеръ милосердія въ постоянный штатъ военныхъ госпиталей и возложить на нихъ собственно уходъ и попеченіе о больныхъ и раненыхъ. Опытъ прошлой войны указалъ между тѣмъ достаточно, какія обязанности могутъ и должны быть возложены на сестеръ милосердія въ больницахъ и госпиталяхъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

ГЛАВА VIII.

Въ дивизионныхъ лазаретахъ и на перевязочныхъ пунктахъ.

Говоря о подготовленіи сестеръ «Краснаго Креста», я упомянулъ, что большинство ихъ выражало стремленіе попасть ближе къ битвамъ, ближе къ жертвамъ войны и жаждало попасть туда, гдѣ бы могло подавать пособіе именно раненымъ воинамъ. Это стремленіе было настолько прочно, что многія изъ сестеръ или почти всѣ сестры съ большимъ сокрушеніемъ относились къ тому, что имъ не возможенъ доступъ въ передовые пункты и не суждено быть на поляхъ сраженій. Онѣ съ особымъ чувствомъ ревности смотрѣли на тѣхъ, которымъ случай помогъ проникнуть далѣе госпиталя и побывать на перевязочныхъ пунктахъ. Да и вообще насколько трудно было изъ провинціи попасть не только на перевязочные пункты, но и въ госпитали дѣйствующихъ армій, видно изъ слѣдующихъ словъ одной сестры изъ Екатеринослава. «Послѣ утомительной просьбы у начальства, я едва едва могла получить разрѣшеніе и попала прежде въ Харьковъ въ лазаретъ «Краснаго Креста», гдѣ выказала способности по уходу за ранеными и гдѣ признали усердной и терпѣливой. такъ что проф. Грубе нашелъ удобнымъ помѣстить къ себѣ въ клинику для ухода за отборными ранеными». Здѣсь она пробыла около полугода и такъ успѣла, что наконецъ ее направили въ Систово, выдавъ удостовѣреніе, что она можетъ исполнять всѣ перевязки. Но такъ какъ признавалось присутствіе женщины въ передовыхъ пунктахъ по меньшей мѣрѣ неудобнымъ

и невыносимымъ для ея самой, то пришлось отказаться отъ надежды попасть туда большинству выражавшихъ просьбы и заявленія... Нѣкоторые только изъ нихъ пробились и здѣсь оказали себя достойными представительницами русскаго имени, какъ по мужеству, такъ и по великодушію,—какъ по терпѣнію, съ которымъ переносили разныя невзгоды и лишенія вмѣстѣ съ войсками, такъ и по той дѣйтельной помощи, которую онѣ оказывали раненымъ на полѣ сраженія. Эти нѣкоторые не составляли цѣлыхъ группъ или общинъ, т. е., въ началѣ ни одна группа полностью не была на передовыхъ пунктахъ, кромѣ тѣхъ сестеръ, которыя работали на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ послѣ большихъ сраженій, какъ-то: около Булгарени послѣ Плевны и Габрова послѣ Шипкинскихъ дѣлъ, и наконецъ у Бѣлы послѣ дѣла Рушукскаго отряда. Здѣсь группы сестеръ, работавшія въ ближайшихъ госпиталяхъ, вмѣстѣ съ санитарнымъ персоналомъ вызывались на перевязочные пункты и дѣйствовали подъ руководствомъ и наблюденіемъ профессоровъ и врачей. На ближайшихъ же передовыхъ, перевязочныхъ пунктахъ лишь нѣкоторые отдѣльныя личности, заслуживавшія полного довѣрія и получившія разрѣшеніе главнаго военнаго начальства, являлись съ своими услугами и помогали врачамъ въ ихъ работѣ, даже подъ не пріятельскими выстрѣлами... Такихъ «счастливицъ», какъ ихъ называли тогда другія сестры, было очень и очень не много и это были большею частью или опытныя сестры нѣкоторыхъ общинъ или дамы, принадлежавшія къ общинамъ сестеръ милосердія, или жены того или другаго начальника какой-либо части войскъ. Онѣ вызывались и назначались уполномоченными общества «Краснаго Креста» и двигались вмѣстѣ съ дивизионными лазаретами, въ которыхъ несли всѣ обязанности сестеръ. Изъ нихъ могу упомянуть о г-жахъ Духоиной, Бойѣ, Владиміровой, Франкъ и Больботъ, (женщинъ-врачѣ) подъ Плевной, затѣмъ о г-жахъ Полозовой, Тепляковой, Энгельгардтъ, Ольхиной и Юханцевой, принадлежавшихъ къ общинамъ и вызываемыхъ во время нужное на передовые перевязочные пункты около Плевны и Шипки. Быть можетъ были и еще личности, которымъ дано было позволеніе находиться и работать въ дивизионныхъ лазаретахъ; но вообще и въ дѣйствительности ихъ было весьма и весьма мало и въ то время рѣдко, рѣдко можно было встрѣтить женщину въ передовыхъ войскахъ. Дѣло же вообще русскихъ женщинъ сосредоточивалось въ ближайшихъ госпиталяхъ, какъ-то: въ Боготѣ, Сгале-

вицѣ, Лежани, Горномъ-Студнѣ, Булгарени, Габровѣ, Бѣлѣ, Александрополѣ и за Саганлугомъ, значить въ мѣстахъ, очень и очень недалекихъ отъ непріятеля. Иные госпитали представляли вмѣстѣ съ тѣмъ главные перевязочные пункты, какъ напр.: Богота и Габрова.

Увеличивающееся число раненыхъ и больныхъ въ арміи, недостатокъ персонала, на которомъ долженъ лежать уходъ за ними, заявленія о плохомъ положеніи дѣла транспортировки раненыхъ—побудили образовать въ помощь полковымъ врачамъ и дивизионнымъ лазаретамъ летучіе этапные лазареты, состоявшіе изъ врачей и фельдшеровъ и санитаровъ въ началѣ, и снабженные складами необходимыхъ вещей. Къ нимъ впослѣдствіи въ Октябрѣ присоединились и сестры «Краснаго Креста», именно группа г-жи Токаревой.

О дѣятельности этихъ сестеръ заимствую свѣдѣнія изъ сообщенія доктора, завѣдывавшаго однимъ изъ этапныхъ лазаретовъ. «За день до открытія лазарета въ Боготѣ (8 Октября) прибылъ отрядъ сестеръ «Краснаго Креста», съ старшей сестрой Токаревой, специально назначенный въ распоряженіе уполномоченнаго нашего лазарета. Этотъ отрядъ подѣлился и въ нашъ лазаретъ поступили три сестры: Крылова, Эбенштернъ и Крупицына. Послѣдней поручено было наблюденіе за хозяйственными запасами лазарета. Первые двѣ, помимо перевязокъ, имѣли на своихъ рукахъ раздачу пищи, вина и чаю. Такъ какъ это производилось четыре раза въ день, и къ тому же были проходящіе транспорты, то сестрамъ было не мало хлопотъ». Врачъ придаетъ большое значеніе этого рода дѣятельности сестеръ, убѣдившись, что при раздачѣ пищи, «никто лучше ихъ не можетъ контролировать ея качество и количество».

Съ этого времени сестры отряда раздѣляли вполне участь лазаретныхъ учреждений; съ ними вмѣстѣ онѣ двинулись въ походъ и вмѣстѣ съ войсками гвардейскаго корпуса сдѣлали зимній переходъ черезъ Балканы. Въ Ноябрьрѣ 1877 г. онѣ слѣдовали за отрядомъ генерала Рауха къ Осиковцу и Калугерову, и затѣмъ 23 Ноября, работали уже въ Орханіэ, гдѣ былъ открытъ этапный лазаретъ и гдѣ дѣйствовалъ онъ до Февраля. Работа была неустанная и сверхъ того при условіяхъ жизни самыхъ неудовлетворительныхъ. И страшный холодъ, и недостатки въ пищѣ, и масса труда, такъ что «всѣ почти сестры переболѣли и одна изъ нихъ поплатилась серьезнѣе другихъ, пролежавъ около 5 недѣль въ сыпномъ тифѣ».—Работа

заклучалась въ началѣ въ участіи при первой перевязкѣ, а затѣмъ сестры, по словамъ главнаго врача лазарета, «такъ наловчились, что онъ счелъ полезнымъ поручить каждой изъ нихъ нѣсколько постоянныхъ больныхъ, которымъ сестры накладывали сами сложныя повязки». Врачъ, въ вѣдѣніи котораго находились лазаретъ и состоявшія при немъ сестры, дѣлаетъ общее заключеніе, что «лучшими помощниками врачей, какъ показалъ опытъ, могутъ быть студенты и сестры, число которыхъ опредѣляется размѣрами учрежденія».

Если переходъ чрезъ Балканы въ зимнее время сопряженъ былъ съ трудностями и лишеніями для солдатъ и если все это отразилось на его силахъ и здоровьи, то тѣмъ болѣе конечно сказались эти трудности на женщинахъ, слѣдовавшихъ за передовыми отрядами. И теперь еще жива въ памяти картина изъ этого труднаго и тяжелаго и опаснаго времени, которая конечно не была одна, а многія въ томъ же родѣ памятливы принимавшимъ участіе въ этомъ геройскомъ походѣ по крутизнамъ, гдѣ съ опасностью жизни можно ступать, подъ ливнемъ холоднаго, пробивавшаго насквозь дождя или по снѣжнымъ тропамъ, утомляющимъ до чрезмѣрности...

«День къ вечеру... Отрядъ продвинулся далѣе... Отсталые бредутъ, догоняя части войскъ... Слѣдуютъ лазареты... Одинъ изъ врачей, на которомъ, какъ говорится, нитки сухой нѣтъ, прозябшій и дрожащій отъ холода, добрался до площадки, на которой былъ нѣкій привалъ и ищетъ мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть и хоть мало мало согрѣться. Все занято... Вездѣ такіе же счастливыя, жмушіеся другъ къ другу, потирающіе руки, разминающіе застывшіе отъ холода члены... Но вотъ на вершинѣ что то движется... Видѣнъ дымъ и паръ... Что это такое? Надо было подойти совсѣмъ близко и стать рядомъ, что бы въ этомъ нѣчто узнать сестру, въ хлопотахъ съ чаемъ и съ раздачей вина... Въ высокихъ походныхъ сапогахъ, прикрытая чѣмъ то въ родѣ пальто или солдатской шинели, въ башлыкѣ, буквально по лодышки въ вязкой грязи, шлепаетъ она, разливая и раздавая уставшимъ, продрогшимъ воинамъ кому что... Оказалось, что врачъ, преподававшій до войны сестрамъ уроки, встрѣтился съ ученицей - сестрой. Признательная ученица немедленно обратила вниманіе на него, и кружка чая съ коньякомъ скоро согрѣла оковѣвшаго... Конечно было не до распросовъ и рассказовъ. Многіе другіе, не менѣе истощенные, не менѣе прозябшіе,

нуждались въ отогрѣваніи, и снова шлепанье по грязи и раздача имѣющихся запасовъ»... Я не называю именъ; ибо думаю, что подобный случай не одинъ и что ихъ столь много въ памяти тѣхъ, которые сдѣлали этотъ зимній походъ чрезъ выси и хребты Балканъ...

Первыя сестры, показавшіяся за Балканами въ Филиппополѣ и потомъ въ Адрианополѣ были изъ отряда, состоявшаго при летучихъ лазаретахъ; но здѣсь дѣятельность ихъ уже явилась въ дивизіонныхъ лазаретахъ, которые въ то время функціонировали вмѣсто госпиталей, еще не успѣвшихъ перебраться чрезъ Балканы. Послѣдующія работы сестеръ были тѣ же, что и вообще въ госпиталяхъ, т. е., уходъ за больными и по преимуществу тифозными...

Труды и лишенія, понесенныя во время похода, естественно, не могли не отозваться на состояніи ихъ здоровья. Сестры этого отряда переболѣли все и двѣ изъ нихъ (изъ 12) умерли на чужой сторонѣ, такъ сестры: старшая Токарева въ Адрианополѣ, Глыбина въ Стефано и третья по возвращеніи въ Россіи. Замѣчательно, что во время походной жизни, при всѣхъ неудобствахъ и лишеніяхъ, онѣ болѣли даже тифомъ, но смертныхъ случаевъ не было. Когда же онѣ попали въ госпитали; то процентъ смертности оказался равнымъ 30%. Изъ 10 умерло 3. Работы этихъ сестеръ на перевязочныхъ пунктахъ, походъ ихъ чрезъ Балканы, равно какъ и такіе же труды и лишенія, какіе понесены ими во время службы въ передовыхъ отрядахъ, испытаны были и другими, принадлежавшими къ общинамъ сестеръ милосердія. Не рѣдко въ теченіе кампаніи приходилось нѣсколькимъ, испытаннымъ сестрамъ общинъ быть на перевязочныхъ пунктахъ и въ дивизіонныхъ лазаретахъ, какъ то: сестры Крестовоздвиженской общины при переправѣ чрезъ Дунай и затѣмъ 12 Октября сестры той же общины: Щеховская, Надеждина, Высотская и Тихомірова были на перевязочномъ пунктѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ; гдѣ и находились 7 дней. Равно также 12 сестеръ Георгіевской общины, при переправѣ войскъ чрезъ Дунай у Зимницы, работали въ Павло, подъ руководствомъ сестры Тиранъ. Затѣмъ изъ 4 сестеръ сформированъ летучій отрядъ, который работалъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ дивизіонномъ лазаретѣ при Аясларѣ, Езерджикѣ, Кара-Гассанъ-Кіоіѣ, въ дѣлѣ при Аблановѣ и сопровождалъ отступающій 13 корпусъ, оставаясь въ арбергартѣ для подборки отстающихъ раненыхъ и больныхъ. Въ Рушукскомъ же

отрядѣ на поляхъ битвъ работало нѣсколько сестеръ Покровской общины. Изъ другого отряда Георгіевской общины три сестры (Теплякова, Юханцева, Энгельгардъ) были прикомандированы къ лазарету 9 дивизіи въ Габровѣ, гдѣ и перевязывали раненыхъ, ежедневно накопившихся при отчаянной защитѣ Шипкинскаго прохода. Сверхъ того были отправляемы летучіе санитарные отряды и въ составѣ ихъ сестры милосердія, какъ то: на Балканы въ отрядъ генерала Скобелева въ Топлишѣ, въ Сельви и къ Еленѣ. Изъ третьей группы также нѣкоторыя сестры допущены были на перевязочные пункты въ дни Плевненскихъ атакъ и перевязывали раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ. Послѣ паденія Плевны сестры направились въ Габрово и въ лазаретѣ 14 дивизіи работали безъ усталы... О сестрахъ, работавшихъ въ Булгарени, уже сказано; о дѣятельности ихъ на этомъ пунктѣ для перевязки тысячъ раненыхъ, съ большой похвалою отзываются проф. Склифасовскій и другіе врачи, у которыхъ на глазахъ шли занятія сестеръ. При этомъ считаю уместнымъ упомянуть о женщинахъ-врачахъ и особенно одной изъ нихъ г-жи Больботъ. Нѣкоторыя изъ нихъ также трудились около Булгарени послѣ битвъ подъ Плевной, послѣдняя же, почти все время обложенія Плевны, провела на одной изъ осадныхъ батарей, подавая врачебную помощь всѣмъ, нуждающимся въ ней раненымъ и больнымъ.

Впрочемъ о женщинахъ-врачахъ равно какъ и о дѣятельности общины сестеръ милосердія будетъ сказано особо и болѣе подробно. Теперь же не будетъ излишне высказать, на основаніи опыта, замѣчанія по поводу службы женщины въ дивизионныхъ лазаретахъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Нѣкоторыми сестрами, О. и Э. довольно уже подробно описано изо дня въ день все, что ими испытано и какъ велось самое дѣло...

Такъ одна изъ нихъ о своихъ занятіяхъ въ Габровѣ, во время Шипкинскихъ августовскихъ битвъ, говоритъ слѣдующее: «опять пальба и снова подвозятъ несчастныхъ, съ разможженными членами, прострѣленными частями тѣла, съ раздробленными конечностями. «13-го Августа убить Дерожинскій. На мою долю выпало отдать ему послѣдній долгъ, отнести его въ монастырскую церковь, гдѣ и простоять панихиду. Трудно передать все то, что перечувствовалось въ эти минуты.» Что касается до занятій въ лазаретахъ, то сестрѣ О. назначено было помогать въ операціонной, и вотъ со страхомъ она

выслушиваетъ слова проф. «сестра, потрудитесь приготовить все, будетъ операція.» «Я такъ занялась приготовленіемъ», говоритъ далѣе сестра, «что сама операція уже не произвела на меня ужасающаго впечатлѣнія»; напротивъ съ теченіемъ времени дошло до того, что она уже начала разбирать, кто какъ рѣжетъ... Всѣ сестры между прочими занятіями, принадлежащими къ уходу за ранеными, наглядывали повязки, дѣлали перевязки и пр. «Съ 9 по 25 Августа мы работали», пишетъ сестра, «не жалѣя себя и больные и раненые относились къ нимъ такъ, что для нихъ выше и лучше «сестрицы» никого не существовало»... «Сестра, голубушка! Не уходи, останься съ нами!» обаяновенно провожали раненые солдаты сестру, сдѣлавшую визитацію и отправлявшуюся къ другимъ больнымъ.

И такъ въ передовыхъ отрядахъ, на перевязочныхъ пунктахъ и въ дивизіонныхъ лазаретахъ, пока шли военныя дѣйствія, дѣло сестеръ главнымъ образомъ состояло въ уходѣ за ранеными, т. е. въ перевязываніи ихъ раненій, въ подаваніи пособія изнемогшимъ, въ снабженіи ихъ необходимыми вещами и затѣмъ въ нравственномъ уходѣ за всѣми, особенно тяжело ранеными. Конечно все это велось подъ руководствомъ и въ вѣдѣніи врачей. Какую пользу принесла русская женщина раненымъ на перевязочныхъ пунктахъ, или тамъ, гдѣ каждая умѣлая руки не лишни, и какъ примѣрно выполнила подвигъ самоотверженія, связанный уже съ грозной, въ видѣ непріятельскаго ядра или вражеской пули опасностью для жизни; объ этомъ слишкомъ наглядно говорятъ факты. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторые уполномоченные высказываютъ, что невозможно и не слѣдуетъ допускать женщину на передовые перевязочные пункты. Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться безусловно; ибо въ правѣ-ли мы умолчать о томъ, что сестры, бывшія въ лазаретахъ, оказались не только пригодными, но и полезнѣйшими дѣятелями? Опытъ, правда, имѣется не большой, но тѣмъ не менѣе онъ представилъ нѣчто, достойное вниманія.— Храбрости и мужества не были лишены женщины, подававшія пособія подъ непріятельскими выстрѣлами, что утверждено, кромѣ самаго факта, свидѣтельствами многихъ. Терпѣніемъ къ перенесенію разныхъ лишеній и трудностей, сопряженныхъ съ боевой походной жизнью, онѣ обладали пожалуй не меньшимъ, чѣмъ мужчины. Умѣнья также были и могутъ быть присущи женщинамъ, равно какъ и силы и энергія... При всемъ этомъ мягкость и нѣжность въ

обращеніи, нравственныя вліянія, осторожность женской руки... Все это такія качества, которыя едва-ли можно игнорировать въ виду наивозможно лучшаго положенія больныхъ и особенно тяжело раненныхъ въ первые минуты и часы послѣ раненій и поврежденій. Вопросъ этотъ еще пока открытый и наврядъ-ли прошлый опытъ дастъ основанія рѣшать его въ томъ смыслѣ, что на перевязочныхъ пунктахъ женщинѣ не мѣсто. Опытнымъ, знающимъ, испытаннымъ сестрамъ милосердія, равно какъ и женщинамъ-врачамъ и фельдшерицамъ едва-ли слѣдуетъ вовсе отказывать приходить на помощь врачамъ для ухода за ранеными на поляхъ битвъ; только-бы ихъ пребыванія и самое дѣло подверглись правильному регулированію. Извѣстно уже, что иногда въ дни большихъ битвъ требуется масса врачебныхъ силъ,—и нигдо, мало мальски смыслящій въ дѣлѣ оказанія помощи раненому, никакъ не лишній. Это еще болѣе заставляетъ считать мнѣніе о недопущеніи женщинъ на перевязочные пункты не безусловнымъ и не непремѣннымъ.

